

УДК 930:94(47).072.5/073.5

И. М. Старцев

**«ХОРОШИЕ ФРАНЦУЗЫ» В РУССКОЙ ПРЕССЕ
МЕЖДУ НАПОЛЕОНОВСКИМИ И КРЫМСКОЙ ВОЙНАМИ**

57

Рассматривается образ француза в русских толстых журналах эпохи между Наполеоновскими и Крымской войнами. Акцент делается на положительном образе ряда социальных слоев французского общества, бытовавшем в русских журналах. Анализируется то, какие слои французского общества в России воспринимались как дружественные. Изучаются причины положительной характеристики того или иного социального слоя. На примере образа «хороших французов» раскрывается отношение русской прессы к животрепещущим политическим и социальным вопросам эпохи.

The author examines the image of the Frenchman in Russian quality journals published between the Napoleonic and Crimean wars. In many Russian journals, the emphasis was laid on creating a positive image of some social strata of French society. The author identifies the reasons for this phenomenon. The image of a 'good Frenchman' reveals the attitude of Russian press towards acute political and social issues of the time.

Ключевые слова: Николай I, образ «другого», Россия, Франция, консерватизм.

Keywords: Nicolay I, Russia, France, the 'other', Conservatism.

Рассмотрим положительный образ Франции, прослеживающийся в русской прессе в период между Наполеоновскими и Крымской войнами. Данный промежуток времени очень интересен с точки зрения русско-французских отношений. Тогда Франция еще была культурным центром Европы (пускай и уступив Великобритании лидерство в науке) и привлекала наибольшее из всех европейских стран внимание русского общества, что доказывают не только тиражи французской литературы, популярность французского театра и фактическая безальтернативность французской моды (за исключением короткого перерыва во время революции 1848 г., когда в русских журналах новости парижской моды пытались заменить новостями моды петербургской), но и то, что больше половины от общего объема новостей из-за рубежа в русских журналах занимали новости из Франции. Русский читатель имел достаточно полное (насколько позволяла цензура) представление о политической, экономической и культурной жизни Франции. И все бы было хорошо, но вот только отношения России и Франции в это время (если не считать 15 лет Реставрации 1815–1830 гг.) были наполнены постоянной конфронтацией. Николай отказывался признавать Луи-Филиппа равным себе, французский парламент активно поддерживал Ноябрьское восстание в Польше, что ухудшило отношения еще

на старте. Да и вообще режимы Июльской монархии и Второй республики представляли собой прямой вызов всей выстраиваемой Николаем I системе. Так, после 1830 г. оценка происходящего во Франции в русской прессе была преимущественно критической.

Конечно, критическое отношение к Франции в России того времени не было новостью. Борьба с галломанией проявлялась еще с середины XVIII в. [6, с. 65–95], со времен фонвизниского «Бригадира». Тема «образ врага-француза» изучена очень хорошо, особенно в контексте революционных и Наполеоновских войн [8; 17; 18; 23]. Однако ситуация 1815–1853 гг. значительно отличается как от XVIII в., так и от эпохи Наполеоновских войн: была лишь серия политических конфликтов между Россией и Францией, а не прямое военное противостояние. Кроме того, революции 1830 и 1848 гг. во Франции в принципе были более «вегетарианскими», нежели Великая Французская революция. Настоящие радикалы приходили к власти только непосредственно в 1830 г. и 1848–1850 гг., а позже власть оказывалась в руках более-менее приемлемых умеренных лидеров: Луи-Филиппа Орлеанского и президента, а потом императора Наполеона III. Стоит заметить, что до Крымской войны Наполеон III пользовался в русской прессе большим уважением, чем Луи-Филипп Орлеанский в годы своего правления, поэтому в России не было такой организованной антифранцузской пропаганды как в 1812 г. Однако, в отличие от борцов с галломанией XVIII в., русские журналисты николаевской эпохи боролись не столько с Францией и французской культурой как таковой, сколько с революционными элементами, подчинившими, по их мнению, себе эту страну.

Таким образом, в описании Франции находилось место не только развращенной толпе, бунтующей черни и злобным якобинцам, но и вполне симпатичным и положительным персонажам. Этим «хорошим французам» и посвящена данная статья.

Рассматривать образ «хороших французов» мы будем с применением концепции «другого». Если брать образ Франции в целом, то он достаточно легко впишется в концепцию «образ врага», то есть противника, сравнение с которым мобилизует нас, позволяя понять себя через негативное отражение [22, с. 16]. Но «хорошие французы» врагами для России не были. К ним можно скорее применить термин «другой», который, в трактовке М. Дубоссарской [4, с. 167–174], тоже представляет собой «зеркало», но без обязательного негативного контекста. Достаточно спорный вопрос, насколько французы были «другими» для тогдашнего русского читателя — как правило, выходца из дворянства или аналогичных высших слоев. Россия того времени не противопоставляла себя Европе, с чем соглашались даже такие близкие к славянофилам мыслители, как М. Погодин [10, с. 1–15] и Ф. Тютчев [19, с. 285]. Однако, безусловно, особенность французов в послереволюционные времена была очевидна. Еще в 1814 г. в «Сыне Отечества» вышла статья «Характер древних Галлов и нынешних французов» [15, с. 3–25], где революция объясняется исходя из присущих французской нации с галльских времен черт: бодрости, активности и ревности в делах. Позже консервативный публицист Шевырëв добавляет к этому образу еще и отход от религии [11, с. 219–296].

Так, французы представлялись в значительной степени «иными», нежели русские. Но при этом в образе французов, как мы увидим ниже, было много параллелей с тем, что хотели или не хотели бы видеть в России.

«Хорошие французы» в русской прессе были представлены в нескольких основных категориях. Исключительно положительными характеристиками наделялась династия Бурбонов (естественно, речь шла о Бурбонах старшей линии, лишившихся трона в 1830 г.). Главными чертами положительного образа Бурбонов как правителей были: легитимность, религиозность и проведение во Франции неких конституционных реформ, в частности дарование Хартии 1815 г. Бурбоны старшей линии представлялись непосредственным продолжением французской истории, поскольку были прямыми потомками Генриха IV, а через него — и более ранних французских королей, начиная с Меровингов. Предполагалось, что Бурбоны сохраняли изначальное величие, утраченное при Июльской монархии. Даже Людовик XVI в этой концепции воспринимался как святой король-мученик, погибший от рук революционеров [6; 20]. Религиозность Бурбонов в целом отмечалась как позитивный элемент. Еще в 1814 г. в «Сыне Отечества» выходит статья одного из главных «хороших французов» писателя Шатобриана «О Бонапарте, о Бурбонах» [15, с. 198–220], где причиной революции как раз становится отступничество французского общества от религии и традиционных ценностей, к которым возвращается королевская семья после Реставрации. Впрочем, не все новое было плохим. Русская пресса — современник Реставрации вполне благожелательно относилась к Хартии 1815 г., дарованной Людовиком XVIII. В конце концов в 1814 г. и Уваров воспринимал подобную конституцию «сверху» как разумный «средний путь», удовлетворяющий народ и сохраняющий монархию [15, с. 82–87].

Исключением из Бурбонов стал последний король Карл X, который, наряду с Мигелем Португальским, был одним из двух европейских монархов, деятельность которых российская пресса критиковала, причем критиковала за чрезмерную реакционность и «закручивание гаек». Но и тут Карлу повезло: в период его правления, то есть в 1824–1830 гг., для русской прессы не были характерны длинные аналитические статьи о политических происшествиях за рубежом, информация подавалась в кратких заметках, которые больше сообщали новости, нежели оценивали их. И даже так критики ему доставалось меньше, чем португальскому коллеге (в качестве примера можно сравнить, как и что писал о Мигеле и о Карле «Вестник Европы» — журнал с наиболее объемным в 1820-е гг. отделом зарубежных новостей) прежде всего опять из-за того, что Карл был законным монархом, в то время как португальский король воспринимался как узурпатор, отобравший трон у сестры Марии и брата Педро. Кроме того, несмотря на отдельные критические замечания в адрес ряда инициатив французского монарха (например, ужесточения цензуры) в том же «Вестнике» либеральная оппозиция изображалась однозначно большим злом. Например, в 1827 г., рассказывая о демонстрации в Париже, посвященной провалу закона о цен-

зуре, «Вестник Европы» иронически отмечал, что «парижские “рыцари свободы” кидали камни в окна тех домов, чьи хозяева отказывались их зажигать в честь праздника» [3, с. 228]. Иначе и быть не могло, ведь оппозиция воспринималась как часть той силы, которая уже однажды погрузила Францию в революционный хаос, и была в охранительном (да и вообще в консервативном) дискурсе связана с негативными последствиями Просвещения и даже с концепцией «всемирного масонского заговора» [6, с. 65–95, с. 157–374].

После Июльской революции 1830 г. Бурбоны не только не потеряли, но и приобрели положительные характеристики в русской прессе. Главное внимание здесь стала привлекать Мария-Каролина, герцогиня Беррийская, вдова убитого в 1820 г. наследника престола. Любопытно, что герцогиня представляла собой в какой-то степени полную противоположность тому строгому, консервативному и религиозному образу Бурбонов, что был нами обрисован выше. Сицилийская красавица, *della Grazia*, — как ее называли, Мария-Каролина в дореволюционные времена считалась наиболее «демократичной», светской и менее приверженной условностям дворцового этикета из всей старшей линии [9, с. 82–83]. Интерес она пробуждала скорее как светская дама, нежели как представительница королевской семьи. Но после революции герцогиня Беррийская становится одним из лидеров контрреволюционного восстания. Ее деятельность, начиная с высадки в Марселе в мае 1832 г., активно освещалась в русских журналах. Так, «Сын Отечества» рисовал (зачастую руководствуясь слухами) герцогиню отважной воительницей, этакой французской кавалерист-девицей, лично водившей шуанов в бой [12, с. 248].

Народная любовь к свергнутой династии всячески подчеркивалась русской прессой. О легитимистских выступлениях (которых действительно хватало) писали столько же, сколько о протестах рабочих и выступлениях социалистов, и, в отличие от последних, освещались они в позитивном ключе. Идея, что «Франция поддерживает Бурбонов» дожила в русской прессе до 1850-х гг. — времен уже Луи-Наполеона, когда русские журналы также писали о каждом значительном случае легитимистских выступлений, вплоть до белых флагов и шарфов на демонстрациях в каком-нибудь Марселе в 1852 г. Несмотря на то, что к будущему Наполеону III русская пресса относилась (до Крымской войны) в целом позитивно, Бурбоны как законная и пользующаяся народной поддержкой французская династия оставалась в центре внимания русской прессы до конца правления Николая I.

Таким образом, мы видим, что русская пресса находила значительное число сторонников Бурбонов во Франции. Кем они были? Прежде всего речь идет о представителях старой аристократии, в Париже концентрировавшихся в Сен-Жерменском предместье. В этом аристократическом районе города сложился свой собственный мирок, живущий во многом так, как будто и не было никакой революции [9, с. 247–250]. Особенности этого социального слоя неоднократно замечали и сами французы, предместье Сен-Жермен было отражено и во французской литературе, например у Бальзака (отдельно можно выделить «Отца

Горио» и «Гобсека»). По романам Бальзака (а также по произведениям других французских авторов: уже упоминавшегося Шатобриана, Стендаля и прочих) у многих в России и складывалось представление об этом районе. Однако нужно сказать, что русская пресса расставляет акценты несколько иначе, нежели сами французы. Если у того же Бальзака доминирует критический взгляд на французскую аристократию, по сути, как на увядающих пустышек, обреченных проматывать свое имущество и уходить на задний план, уступая место буржуазии и разночинцам (вспомним известную сцену между Гобсеком и графом де Трай [1, с. 216–221]), то русские, особенно консервативные публицисты, зачастую видели в Сен-Жермене последний островок уходящего мира, разрушенного революцией и наступлением капитализма. Надо отметить, что французская культура времен Июльской монархии и Временного правительства (иногда в принципе французская культура после 1789 г.) характеризовалась в русской прессе в негативном ключе — как упадок. Упадок литературы: когда Гюго и Дюма «имеют более таланта, чем вкуса, бегут на ложное поприще молвы» [16, с. 119], порождая литературных «чудовищ» [16, с. 120]. Упадок в живописи, впавшей в «разврат». Упадок в нравах. «Современник» даже отмечал, что после 1789 г. во Франции нельзя найти нормального повара [14, с. 61–62].

Русская пресса находила в Париже «моральных» и «религиозных» деятелей — литераторов и политиков. Наиболее яркой фигурой тут выступал уже упомянутый Шатобриан, писатель и ультрароялист, за деятельностью которого русские журналы следили не менее пристально, чем за Бальзаком или Гюго. В отличие от последних, Шатобриана критиковать было не принято, его произведения воспринимались как проникнутые духом религиозности и верности монархии, не содержали в себе следов коммерческого «разврата» и «радикализма», за что, скажем, винили Гюго. Находила русская пресса и других подобных «моральных» писателей, однако в целом они составляли явное меньшинство и спасти французскую литературу в глазах русских охранителей не могли.

Сен-Жерменское предместье не представлялось способным возродить или хотя бы сохранить дореволюционную культуру. Погодин, посетивший столицу Франции в 1839 г., описывает [10, с. 47–48] предместья Парижа: последний оплот старой аристократии в исключительно печальном тоне. Проезжая через Сен-Жермен, он видит наглухо закрытые поместья с дворами внутрь, хозяева которых доживают свой век в послереволюционном городе. Аристократия, которую описывает Погодин, не только лишена всяческого влияния, но и просто боится новых властей, критикуя их только в частных беседах.

Так, «хорошие французы» могли встретиться даже в Париже — в этом рассаднике всего того, что вызывало отвращение у русских охранителей. Разумеется, за пределами французской столицы их ожидалось встретить в куда большем количестве. Общее мнение русских журналов было следующее: центром всего отрицательного — ложной философии Просвещения, безбожия, революции, пролетариата, нищеты, разврата и беззакония — являлся Париж, пораженный «язвой пролетарства» и

тем, что Маркс бы назвал «капиталистическим разложением». Отношение к капитализму и новой буржуазной морали в русском обществе того времени носило отрицательный характер, что хорошо показано, скажем, в повестях В. Одоевского. О вреде обуржуаживания в русской прессе писали преимущественно на примерах Англии и Франции. Как раз коммерциализация жизни, погоня за прибылью и назывались причиной упадка Франции. Анонимный автор-путешественница на страницах «Современника» замечает, что у парижан «нет искренних убеждений, нет постоянства. Жизнь дня, ощущение минуты, страсти партий, борьба правительства и оппозиции, многоречие и противоречие журналов, болтовня гостиных, деятельность для денег, движение из выгод промышленности, изобретательность спекуляций — как трудно из этого омута выходить ясному, великому!» [13, с. 116].

В противовес этому жизнь французской глубинки, в особенности крестьянства, идеализировалась. В русской прессе мы находим не так много материалов, посвященных жизни французской провинции, но те, что есть, изображают ее в пасторальном духе, резко противопоставляя парижскому «Вавилону» с его соблазнами. Жители Нормандии, согласно «Живописному обозрению», «живут в патриархальной простоте» [5, с. 109], не ведая соблазнов и потрясений, известных Парижу, потому что «занимаются промышленностью первобытной». Крестьяне, работающие на себя, не столько гонятся за прибылью, сколько стараются привести землю вокруг себя «в цветущее состояние» [5, с. 148]. Столь же проста и гармонична жизнь лодочников на Роне и других жителей французской сельской глуши, живущих вдалеке от Парижа с его соблазнами и оставшихся в «первобытном состоянии».

Это было то самое обращение к «народной почве», которое характеризовало эпоху Николая I в России и в целом начало XIX в., когда капиталистические отношения только пробивали себе дорогу и казались чем-то новым. Считалось, что отрыв от «народной почвы», прежде всего от традиций и религии, приводит общество к разложению. Об этом прямо говорилось в уже упоминавшейся статье Шевырёва от 1841 г. [11, с. 219–296], а аналогичные взгляды на первую революцию высказывал, как мы помним, еще Шатобриан [15, с. 198–220]. К Франции применялся тот же шаблон, который много позже применит к русской элите В.О. Ключевский в известной речи «Евгений Онегин и его предки» [7, с. 127–157]: отрыв от народной почвы, от традиций приводит к увлечению разными модными идеями или к «разврату». Так, «народ» (под которым подразумевались преимущественно невключенные в капиталистические системы слои: крестьянство и жители мелких городков) представлялся в идеализированном свете, живущим тихо, мирно и безмятежно (можно обратить внимание на двусмысленность термина «безмятежно» — и спокойно, и не склонно к возмущению, то есть к революции). Страх того, что русское общество превратится во что-то похожее на жителей Парижа с их газетами, погоней за прибылью и баррикадами и сформировал основу русского охранительства от С. Уварова [6, с. 339–374] до Каткова и далее.

Как видим, население французской провинции представлялось чем-то иным, нежели революционно настроенный Париж. Интересно в этом смысле посмотреть, жители каких регионов Франции воспринимались как противники революционеров и, соответственно, союзники России. Здесь важно напомнить, что русская пресса пристально следила за всеми фактами оппозиции Луи-Филиппу, Временному правительству или Наполеону III. Причем если отношение к выступлениям рабочих и социалистов было резко негативным (они считались еще хуже, чем действующий режим), то о выступлениях легитимистов русская пресса писала сугубо позитивно, отмечая каждое сколько-нибудь значимое выступление. Обращаясь к публикациям русской прессы по поводу наиболее значимых волн протеста в 1830—1832 гг. и 1848—1852 гг., видим, что наиболее часто в роли оплота легитимизма выступали такие провинции, как Вандея (известная по событиям еще первой революции), Нормандия, Бретань и Марсель (последнее не вполне соответствовало действительности: Марсель и вообще Прованс были оплотом социалистов из партии «Гора»). Так, если верить русской прессе, получалось, что значительная часть французских регионов была настроена легитимистски.

Причиной такой ситуации чаще всего назывался описанный выше отрыв парижан от «народной почвы». Но были и более экстравагантные объяснения. Историк и издатель журнала «Москвитянин» М. Погодин пошел дальше и пришел к выводу, что «народный дух» наиболее легитимистских и патриархальных Нормандии и Вандеи в принципе иной, нежели у прочей Франции, а следовательно, и происхождение у них другое. В «Парижских записках» идет речь об исследовании, которым Погодин занимался в столице Франции [10, с. 440—441]: изучалось возможное наличие у населения Северной Франции славянских корней. Такая странная на современный взгляд идея не противоречила тогдашнему состоянию исторических знаний [21], но важнее тут другое: Погодин обосновывает легитимизм Вандеи и Нормандии тем, что населяющие эти области жители — славяне по своему происхождению, которые имеют совсем другой характер, чем «галлы» из Парижа, и более склонны к монархии. И доказательство своей теории он искал в языке [2], хотя и не смог построить стройную теорию.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении получается, что единый образ Франции в первой половине XIX в. — во многом условность. Достаточно четко выделяются две Франции: буржуазный Париж, который выступает как отрицательная сила, заключающаяся в погоне за деньгами, «разврате», революции и беспорядках, и провинциальная аристократическо-крестьянская Франция, живущая по своим патриархальным правилам, традиционная, религиозная, мирная и не отрывающаяся от «народной почвы». Подобное раздвоение образа интересно еще и потому, что показывает особенности идеологического противостояния. Отрицая практики французских революций и конституций, русские охранители тем не менее позиционировали себя как борющиеся не с Францией как таковой, но с французским либеральным режимом. Так, разделение на «народ» и «правительство» и их противостояние — далеко не современное изобретение.

Список литературы

1. Бальзак О. де. Избранное / пер. с фр. Р. Резник. М., 1985.
2. Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина : в 22 т. СПб., 1889. Т. 2.
3. Вестник Европы. 1827. №7.
4. Дубоссарская М.Л. Свой – чужой – другой: к постановке проблемы // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. №54. С. 167–174.
5. Живописное обозрение. 1837. №3.
6. Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.
7. Ключевский В.О. Евгений Онегин и его предки // Сочинения в восьми томах. М., 1959. Т. 7. Исследования. Рецензии. Речи (1866–1890). С. 127–154.
8. Лобачкова М.Г. Образ Наполеона Бонапарта в русской публицистике. 1799–1815 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2007.
9. Мильчина В.А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М., 2013.
10. Москвитянин. 1841. Ч. 1.
11. Москвитянин. 1841. Ч. 4.
12. Северный архив. 1832. №24.
13. Современник. 1845. №39.
14. Современник. 1853. №6.
15. Сын Отечества. 1814. Ч. 15.
16. Телескоп. 1834. №18.
17. Тризно О.А. Образ Франции в русской словесности XVIII – первой половины XIX вв.: мотивы, образы, концепты : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2014.
18. Тюпа Я.В. Общественное мнение России начала XIX века о наполеоновской Франции : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
19. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М., 1988.
20. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии / пер. с англ. С.В. Житомирской. М., 2002.
21. Шафарик П.И. Славянские древности / пер. с чеш. О. Бодянского. М., 1847.
22. Эко У. Сотвори себе врага // Сотвори себе врага. И другие тексты по случаю / пер. с ит. М. Визеля. М., 2014. С. 11–39.
23. Юшников А.В. Образ Великой Французской революции в русской периодике и публицистике конца 1850-х – начала 1880-х годов : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013.

Об авторе

Старцев Илья Михайлович – асп., Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: iljastarcev@gmail.com

The author

Ilya Startsev, doctoral student, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Russia.

E-mail: iljastarcev@gmail.com